

Опарина Е.О.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСАХ
И РЕГИСТРАХ ЯЗЫКА.
(Обзор)¹**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В предлагаемом обзоре исследуются характеристики и функции концептуальной метафоры в дискурсах современных языков, в том числе ее роль при обсуждении новой темы – пандемии COVID-19. Метафора рассматривается в русле когнитивного направления в лингвистике, т.е. в первую очередь как ментальное средство, формирующее семантику языковых единиц.

Анализируется также «многомерность» когнитивного потенциала метафоры, которая не только вербализует в языке понятия и системы представлений, но и объясняет новые фрагменты реальности (такие, как незнакомый ранее вирус), а также формирует отношение к явлениям и событиям и обладает действенной силой, влияя на поведение групп людей и отдельных индивидов. Исследуется также роль метафоры в сленге и общенациональном разговорном языке.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорические модели; функции концептуальной метафоры; язык и пандемия COVID-19; общественно-политический дискурс;

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykh-issledovaniy/temyir/lingvokulturnye-aspekty-tsvivilizatsionnykh-protivorechii/>

экологический дискурс; полимодальные vs мономодальные метафоры; сленг; английский язык; французский язык; сербский язык; гендер в языке.

Введение

В данном обзоре анализируются модели концептуальной метафоры в дискурсах и языковых регистрах. В центре исследования – общественный и политический дискурсы, включая новое для языка и общества явление «дискурс о COVID-19», экологический дискурс, а также метафоры в сленге французского и сербского языков. Исследование подтверждает важность когнитивной функции метафоры как ментального и языкового средства, а также многогранность ее проявления. Метафора концептуализирует новые понятия и системы представлений, выражая в том числе формируемые, гипотетические знания; объясняет новые для общества явления через их уподобление знакомым предметам, явлениям и процессам; также является инструментом убеждения и манипуляции, «настраивая» адресата на определенное восприятие явления, события или ситуации и на определенный способ реагирования. В реализации когнитивного потенциала метафоры значительную роль играет «встроенность» культурных кодов в ее образную семантику, связь метафор с символами и стереотипами, существующими в культурно-языковом сообществе.

Основная часть

Концептуальная метафора в последние десятилетия рассматривается исследователями как когнитивное средство, разными способами действующее на мировосприятие и миропонимание человека. Метафоры не только формируют концепты и репрезентируют уже имеющееся знание в языке, они также объясняют новую информацию и выражают предполагаемое (гипотетическое) знание. Метафоры способны влиять на убеждения людей, на оценку событий и ситуаций и поведение людей, в том числе вызывать действенное реагирование на события и ситуации. Значимое для семантики метафор явление – обусловленность их когнитивного потенциала культурами. Универсальные, социально- и национально-специфические культурные коды, мотивирующие семантику

метафор, актуализируются в дискурсах и стилистических регистрах языка. Разные грани когнитивного потенциала метафор рассматриваются в данном обзоре на материале англоязычного общественно-политического, экологического и рекламного дискурсов, а также на примере сленга французского и сербского языков [Augé, 2022; Kremer, Felgenhauer, 2022; Younes, Altakhaineh, 2022; Durin, Jovanović].

Взаимосвязи между метафорическими моделями, используемыми в дискурсе, оценкой ситуации и поведением прослеживаются Д. Кремер и Т. Фельгенхауер в статье «Объясняя COVID-19: использование пространственной метафоры во время кризиса», исследуют типы метафор, наиболее часто применявшихся в время эпидемии для характеристики заболевания и его распространения. Анализ проводился на материале корпуса немецкого языка (в статье они представлены в переводе на английский). В центре внимания – роль пространственной метафорической модели, представленной метафорой контейнера, которая актуализируется посредством топонимов. При этом топонимы понимаются в русле антропологического подхода к географии, придающего наименованиям местности социально и культурно-значимые смыслы, в значительной степени конструируемые через язык и тексты [Kremer, Felgenhauer, 2022].

Исследование базируется на теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой концептуальные метафоры рассматривались как «образные схемы» (image schemas) – структуры знаний, основанные на ассоциациях и определяющие наше мышление, познание и язык. В дальнейшем понимание концептуальной метафоры как ментальной схемы было усложнено. В центре внимания оказалось ее иерархическое строение и тот факт, что в текстах концептуальные метафоры обычно выступают как комбинация нескольких метафорических моделей.

Изучение языкового материала показало, что пространственная метафора при обсуждении темы COVID-19 в общественном и политическом дискурсах тесно связана с другими типами метафорических моделей, а именно с метафорами персонификации и природными. Значительную роль в концептуализации пространства играет метафора контейнера, в которой пространственные сущности представлены как «емкости», содержащие

предметы, в данном случае – вирус. В дискурсе о COVID-19 в роли таких «контейнеров» чаще всего выступают города: “126 cases were recorded in Wuhan, a city in central China, which is considered to be the epicentre of the virus.” (DWDS¹ / Handelsblatt, 2020) [Kremer, Felgenhauer, 2022] «126 случаев заболевания было зарегистрировано в Ухани, городе в центральном районе Китая, который считают эпицентром вируса»². Применяются также другие «стихийные» метафоры: *tsunami*, *storm*, *perfect storm* – «цунами», «шторм», «идеальный шторм». Д. Кремер и Т. Фельгенхауер интерпретируют метафору природной стихии лишь как частично соответствующие реальной ситуации с эпидемией и потому способные ввести адресатов в заблуждение. Шторм и цунами являются стихиями, неподвластными человеку, в то время как при эпидемии многое зависит от людей, медицинских служб и властей. Контейнер предполагает также наличие границ, распространение болезни рассматривается как нарушение границы контейнера. Поэтому метафорические модели выступают в комбинации друг с другом. Упоминание городов и регионов, в которых много больных, имеет логическое продолжение: оно предполагает необходимость «закрытия границ» и прекращения контактов с «эпицентрами» заболевания. Установленные взаимосвязи демонстрируются следующими фрагментами текстов о COVID-19 в прессе: “After Italy [...] Spain is the most affected country by the coronavirus pandemic in Europe. Despite the strict curfew enforced eleven days ago, the number of affected people rose to 47610.” (DWDS / Welt, 2020) «После Италии [...] Испания – наиболее пораженная коронавирусом страна в Европе. Несмотря на строгий комендантский час, введенный одиннадцать дней назад, число заболевших увеличилось до 47 610 человек»; “The Coronavirus is spreading across Latin America like wildfire [...]. Not every country has responded well to the pandemic [...].” (DWDS / Neue Züricher Zeitung, 2020) «Коронавирус распространяется по Латинской Америке, подобно пожару [...]. Не каждая страна отреагировала на пандемию правильно» [ibid]. Другая метафора, часто применяемая в общественном дискурсе о COVID-19, – прием

¹ DWDS – электронный корпус немецкого языка Берлинско-Бранденбургской академии наук. – Е. О.

² Здесь и далее перевод мой. – Е. О.

персонификации. Метафора вируса COVID-19 как живого человека предполагает, что инфекция обладает свойствами личности: интеллектом, самостоятельностью действия и наличием цели, силой или слабостью. По мнению авторов статьи, приписывание вирусу человеческих качеств в общественном и политическом дискурсах препятствует правильному пониманию действия вируса как биологического (*it prevents people from gaining a deeper biological understanding of the functioning of viruses in a “non-human way”*) [Kremer, Felgenhauer, 2022]. Метафоре приписывается аргументативная сила.

А.С. Йонес и А.Р.М. Алтакхайнен, исследователи из Иордании, также рассматривают концептуальную метафору в дискурсе о COVID-19 как средство, направленное на улучшение понимания ситуации читателями. Анализ проводился на материале мемов на тему COVID-19 в иорданских вебсайтах Инстаграма, Фейсбука и Твиттера, что позволило включить в сферу исследования полимодальные (визуально-вербальные) и мономодальные (только визуальные или только вербальные) метафоры. В центре внимания в работе А.С. Йонеса и А.Р.М. Алтакхайнена – объяснительная функция метафоры и ее направленность на критику действий властей [Younes, Altakhaineh, 2022]. Особое внимание нацелено на полимодальные – визуально-вербальные метафоры, которые составили, как было подсчитано, до 80% всех исследованных мемов.

Полимодальность метафоры способствует более точному пониманию смысла мема, кроме того, визуальное изображение также позволяет более прямо и эффективно воздействовать на эмоции адресата. Значительную роль в актуализации объяснительной функции метафор в мемах как совокупности визуально-вербальных текстов играет разнообразие метафорических моделей и их сочетание. Они предлагают различные ассоциации для осознания и оценки свойств вируса и угроз пандемии, благодаря чему конструируется объемное представление о сложном и ранее неизвестном феномене – коронавирусе. В исследованном материале выделено более десяти метафорических моделей, среди которых наиболее продуктивными являются уподобления коронавируса человеческому существу (ср. метафоры-персонификации [Kremer, Felgenhauer, 2022]), спортивным играм, животным, войне, еде. В мемах с мультимодальными метафорами часть ассоциативных

признаков выражается вербально. Иногда один мем включает в себя несколько метафор, поддерживаемых метонимией. Так, на одном из мемов изображена летучая мышь, пытающаяся убить змею. В данном меме присутствуют два изображения области – источника метафоры – змеи и летучей мыши. Надпись «вакцина» (все надписи на арабском языке) выражает область – цель метафоры, объясняя, что змея символизирует вакцину. Следовательно, одна из метафор – ‘змея – вакцина’. Отмечается, что метафоры в исследованных мемах обладают выраженными культурными коннотациями. Например, рассмотренная выше метафора соответствует универсальному культурному знанию: со времен древнегреческой мифологии змея символизирует медицину и бессмертие, в наше время по всему миру изображение змеи стало знаком фармацевтики. Следовательно, изображение в этом же меме летучей мыши, пытающейся убить змею, интерпретируется как ‘летучая мышь – коронавирус’. Данная метафорическая модель также поддерживается метонимией, выражающей универсальное фоновое знание: летучую мышь «подозревали» в том, что этот вид животных реально является источником коронавируса.

В мемах также используются культурные коды, значимые для жителей Иордании и носителей арабской культуры. Например, на одной из картинок изображен круг с острыми шипами. Сам расплывшийся круг и окружающий его темный фон ассоциируются с изображением блина на сковородке, а вербальная часть мема – слово «блин» однозначно идентифицирует область – источник метафоры. В то же время острые шипы по краю круга делают изображение похожим на коронавирус, т.е. область – цель. В данном случае в одном изображении совмещаются и цель, и источник метафоры. Для понимания всего семантического объема мема важны культурные коннотации: в Иордании блины являются традиционной ночной едой во время Рамадана. Уподобление усиливается тем, что в год пандемии правительство Иордании на период Рамадана, опасаясь распространения болезни, закрыло мечети и магазины [Younes, Altakhaineh, 2022].

Таким образом, концептуальная метафора и метафорические модели в дискурсе о COVID-19 квалифицируются как способные адекватно отражать природу пандемии и борьбу с ней или, наоборот, вводить в заблуждение [Kremer, Felgenhauer, 2022; Younes,

Altakhaineh, 2022]. Такой подход приписывает метафорам способность аргументировать тот взгляд на явление, которое она обозначает. Такой взгляд соответствует общему для когнитивной лингвистики подходу: метафора – это в первую очередь ментальное средство, определяющее мировосприятие, мировоззрение и поведение человека.

Потенциал воздействия метафоры, который позволяет говорящему оказать желаемое влияние на адресата, ярко проявляется в общественном и политическом дискурсах. А. Оже анализирует в плане когнитивной и прагматической ценности метафорические модели, используемые при обсуждении экологических тем. В центре внимания в статье «Ковид-19 – вакцина Земли: спорные метафоры в дискурсе об окружающей среде» метафоры ‘здоровья – болезни природы’, «осложненные» темой COVID-19 [Augé, 2022]. Исследование проведено на материале англоязычных сайтов Твиттера в сопоставлении со статьями, помещенными в изданиях двух ведущих неправительственных экологических организаций: Гринпис (Greenpeace) и Экстинкшн Ребеллион (Extinction Rebellion в буквальном переводе – «Спротивление вымиранию»). На пике пандемии COVID-19 в Твиттере в обсуждении экологических проблем активно использовались варианты метафоры ‘Nature is healing. We are the virus (for the planet)’ – «Природа находится в процессе лечения. Мы – (для планеты) вирус», в которой человечество уподобляется вирусу и, следовательно, характеризуется как организм, вредящий природе. Эта модель уподобляет человека новому вирусу, что, по мнению А. Оже, имеет определенные основания: в качестве обобщающего признака для концептов пандемии, с одной стороны, и негативных изменений климата – с другой, может служить признак ‘неконтролируемое потребление человеком как причина бедствия’. Правомерность данной метафоры подтверждается в текстах Твиттера тем, что уменьшение деятельности промышленных предприятий в период локдауна, введенного из-за пандемии, привело к снижению вредных выбросов в атмосферу. Однако уподобление человека вирусу, если следовать логике концептуализации, заложенной в данной метафоре, означает, что избавление от человека должно стать правомерной целью природы. Руководствоваться таким принципом невозможно с идеологической точки зрения. Кроме того, развертывание признаков подобия,

заложенных в этой метафорической модели, приводит к неверному пониманию ситуации и способов выхода из нее. Например, метафора предполагает, что «излечение» природы от экологических болезней может произойти само по себе как результат пандемии, и к тому же в короткий срок. А. Оже отмечает, что в текстах ведущих экологических организаций эта метафорическая модель не применяется [Augé, 2022]. Предпочтение отдается метафорическим моделям ‘container’ «контейнер», ‘journey/movement – path’ «путешествие/движение – путь» и ‘building of a better society’ «построение лучшего общества». В текстах метафорические модели обычно выступают в комбинации, например: “*The Coronavirus pandemic has created a rare crack in the system – let’s use it to create a better world*” (Greenpeace. 16/04/2020) «Пандемия коронавируса создала редкую трещину в системе – давайте используем это для того, чтобы создать лучший мир» [Augé, 2022], где совмещаются метафора контейнера (*a crack in the system* – «трещина в системе») и метафора строительства (*to create a better world* – «создавать лучший мир»). Ответственность за кризисы в экологии и медицине возлагается на действия политиков, и метафорические модели выступают в соответствующих этой оценке вариациях: ‘political system as a broken container’ – «политическая система – сломанный контейнер», ‘to rebuild the container’ – «перестраивать контейнер», ‘exit from the polluted world’ – «выходить из загрязненного мира» и др. Таким образом, при обсуждении экологической тематики помимо концептуальной и объяснительной функций в концептуальной метафоре выражена функция воздействия.

Метафора в сленге, особом стилистическом регистре языка, обладает и общими для концептуальной метафоры свойствами, и особенностями, связанными с характером этого регистра. Как показывают Т. Дурин и И. Йованович в статье «Гуси, доски и неряхи: унижение женщин с помощью языковой семантики во французском и сербском сленгах» [Đurin, Jovanović], в сленге обоих языков метафоры, характеризующие женщин, сводимы к определенному набору базовых моделей. При этом и домены-источники, и домены-цели имеют межязыковое сходство. Вместе с тем метафоры в сленге отличаются повышенной образностью и оценочностью, зависимой от традиционных для культурно-языковой общности стереотипов. Все метафоры являются по своему типу

субъективно-оценочными, или, по терминологии, предложенной В.Н. Телия, эвалюативными. При этом они выражают мужскую точку зрения.

В качестве доменов – целей негативного метафорического обозначения женщин во французском и сербском сленгах выступают три направления: 1) интеллект, 2) внешность и 3) моральные характеристики, определяемые преимущественно через сексуальное поведение. Негативный характер свойства определяется через отступление от общепринятой в обиходно-бытовом представлении «нормы». Домены-источники также сходны: негативно оцениваемые качества женщин наиболее часто характеризуются через метафоры ‘животное’, ‘контейнер’, ‘обширная территория’. Метафорическая модель ‘животное’ распространена в обоих языках и имеет варианты. Так, глупая (с точки зрения говорящего) женщина в обоих языках характеризуется как «птица», например «индейка»: фр. *dinde*, серб. *ćurka* и «гусь»: фр. *oie*, серб. *guska*. Другой вариант – «животное», например «ослица»: фр. *ânesse*, серб. *magarica*. Более специфические метафоры – ‘грязь’, ‘часть мебели’, ‘транспортное средство’ – применяются при характеристике крупных женщин и женщин «с округлостями»; наоборот, «плоские» женщины, также вызывающие негативную характеристику, характеризуются как «доски» – серб. *daska*, фр. *plance*.

Национально-культурная специфика французского и сербского языков в исследованном материале наиболее ярко проявляется по отношению к женщинам, сексуальное поведение которых не соответствует принятым в социуме нормам. Это «излишне сексуально активные» или занимающиеся проституцией женщины. Так, в французском сленге в отличие от сербского проституция и распутство женщины концептуализируются через ассоциацию с ‘грязью’ (‘неряха’, ‘грязная тряпка’, ‘экскременты’): *salope* – «неряха» и «шлюха», *souillon* – «женщина, делающая грязную работу» и «проститутка», *vadrouille* – «швабра» и «проститутка». Помимо этого французские метафоры акцентируют связь проституции с материальной выгодой, доходом, например метафора ‘проститутка – еда’ (имеется в виду доход, который получает сутенер). В сербском языке такой метафоры нет, несмотря на наличие более общей концептуальной модели ‘привлекательная женщина – еда’ [Đurin, Jovanović].

Таким образом, концептуальные метафорические модели в сленге двух языков демонстрируют и общие черты, и национально-культурную специфику. В обоих языках пренебрежительное отношение к женщине, которое они выражают, является знаком неравного в гендерном плане общества – в их семантике заключен стереотип, сформированный в обществе, где доминируют мужчины [Ђурин, Јовановић].

Заключение

На основе исследованных работ можно заключить, что когнитивный потенциал концептуальной метафоры имеет многогранное проявление. Способность метафоры создавать концепты, в том числе гипотетические, является общепризнанной в когнитивной лингвистике. Значительную роль играет также объяснительная функция, при которой метафора, часто через комбинацию разных по домену – источнику образов, делает более понятной адресату точку зрения говорящего или непривычное знание. Когнитивный потенциал метафоры в значительной степени обусловлен ее соединением со знаками культуры. Эти грани когнитивной функции метафоры проявляются в различных пропорциях в дискурсах в зависимости от характера того или иного дискурса – его тематики, коммуникативных целей, стилистических особенностей. Данные закономерности подтверждаются материалом и выводом исследованных в обзоре работ.

Список литературы

- Augé A.* “COVID-19 is the Earth’s vaccine”: controversial metaphors in environmental discourse // *Interface* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <http://interface.org.tw/> <https://interface.org.tw/index.php/if/article/view/158> (дата обращения : 10.09.2022).
- Ђурин Т.Џ., Јовановић И.Н.* Geese, planks and sluts: semantic derogation of women in French and Serbian slang // *ResearchGate* [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/359956793> (дата обращения : 10.09.2022).
- Kremer D., Felgenhauer T.* Reasoning COVID-19 : the use of spatial metaphor in times of a crisis // *Humanities and social sciences communications* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01264-8> (дата обращения : 10.09.2022).

Younes A.S., Altakhaineh A.R.M. Metaphors and metonymies used in mems to depict COVID-19 in Jordanian social media websites // *Ampersand* [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.amper.2022.100087> (дата обращения : 10.09.2022).